

Ей часто хотелось выбить из головы все мысли, *выпасть* из мира. И когда разгонялась на электросамокате до максимальной скорости, это получалось.

На личный транспорт Лия копила полгода. Хранить средство передвижения приходилось в сарае — грязь в комнате квартирная хозяйка разводить запрещала. В холодные ночи девушка беспокоилась, бегала, укрывала любимца старым одеяльцем. И гоняла на самокате в любую погоду — хоть в дождь, хоть в морозы. Впрочем, в Целебноводске за суровую зиму и легкий снежок почитают.

Лия по происхождению «ма-асквичка» (как подкалывали ее местные). Но с одиннадцати лет в интернате, и в столице ничего не держало. Сразу, как медучилище окончила, подалась на юг. В Краснодарском крае не понравилось. Летом жара адская, толпы, на работе пахать приходится в три смены. Зимой — ледяная сырость

с моря, отдыхающих ноль, и зарплата резко падала. В Целебноводске, на Ставрополье, показалось комфортнее. «Курортных волн» нет — народ круглый год водичку попивает. И климат мягче.

Считалось, что в хороший санаторий устроиться здесь можно только по протекции, но Лия путь от социального, с вредными бабками, до лучшей в городе пятизвездки «Исток совершенства» прошла без всякого блата. Хороший специалист сам себя продаст. Иных коллег отдыхающие раздражали, а ее, наоборот, азарт разбирал: как даже самую противную старушенцию умаслить, чтоб гнев на милость сменила? Оказалось, всего-то и надо: с улыбкой про здоровье осведомиться, спросить, комфортная ли водичка, после процедуры полотенце подать с видом, будто ты гардеробщица, а пациентка королева. Ну и процедуру, душ Шарко, не просто делать по всем правилам, но чего-то от себя добавить — например, массаж пяток горячими водяными струями.

Лия почти всегда улыбалась. Людям нравилось — прозвали «солнышком». И самой помогал: забыть про пустоту, что внутри.

Вот и сегодня с утра — мимоходом, по пути на работу, ослепила соседа Левушку (диковатого частного экскурсовода), бабу Пашу (та с ран-

него утра сидела у курортного парка, продавала орешки) и нескольких курортниц.

Сосед сразу приосанился, живот втянул, баба Паша сунула горсть чищенных грецких, а курортницы восторгаться начали: удивительно, мол, среди вечно хмурых местных приветливую девушку встретить.

Народ на Ставрополье, действительно, без дела зубы скалить не любит.

Лия, когда перебралась в Целебноводск, тоже поначалу ежилась под не улыбочивыми взглядами аборигенов. Но со временем разобралась: тут почти у всех кабардино-балкарские корни, и радостные гримасы попусту строить гордый народ не приучен. Зато если признали тебя своей — из любой беды вытянут. Пусть и без улыбки.

Когда Лия (молодая, симпатичная и одинокая) собиралась перебираться на Кавказ, все отговаривали:

— Уташат тебя в горы! Снасильничают!

Однако ж хоть и улыбалась почти всем встречным, и юбку короткую иногда надевала, а никто не трогал.

Как тот же сосед-экскурсовод говорил:

— Наш мужик чует — кого можно, кого нельзя.

Сам он давно предлагал — руку, сердце и роль помощницы в своем бизнесе, но Лие толстый

Левушка совсем не нравился, поэтому категорически отказывалась: и от частной экскурсии, и даже от чашки чая в уличном кафе.

Семья, отношения — не для нее. От мужчин — даже самых с виду положительных — всегда ждала подвоха. Это еще с детства. Отец и брат отучили сильному полу верить.

...По узкому участку улицы, где полно пешеходов, Лия вела электросамокат «в поводу», но едва входила в курортный парк, разгонялась от души. Кайф неопиcуемый: несешься, в лицо хрусткий горный воздух, волосы развеваются, вороны (их в Целебноводске немерено) вслед орут.

Обычно затыкала уши громкой музыкой, для полного отрыва, но вчера забыла сунуть гаджет на зарядку, поэтому мчалась сегодня исключительно под свист ветра. И когда ехала мимо фонтана влюбленных, услышала истеричное мяуканье.

Притормозила, спешила, подошла. Воду давно спустили — на дворе ноябрь. Глубина — метра три. И со дна вопит-надрывается мелкий котенок. Совсем малыш, лапы разъезжаются, но голос громкий, недовольный.

Зеваки (в основном пожилые курортницы) ахают:

— Кто ж тебя туда закинул, милый?!

А единственный среди зрителей мужчина — вполне себе молодой и спортивный — видео-съемку ведет, как животное по пустому фонтану в отчаянии носится.

Лия сразу к ютьюберу (или кто он там). Мышцы лица растянула в привычной улыбке, предложила:

— Достанем?

— А вылезать как?

— Придумаем, — беспечно отозвалась она.

— Не, я подтягиваться не умею.

Хотелось высказать, кто он есть, но жизнь на Кавказе приучила: язык придерживать. Молча отвернулась. Скинула куртку, положила на па-рапет. С сожалением поглядела на ногти (маникюр только вчера сделала). И прыгнула.

Котенок, несчастный, одинокий, саму себя напомнил — тоже никому не нужную. Так что и думать нечего, как потом выбираться, — надо помогать.

Но благодарности не дождалась — котейка от своей спасительницы бросился прочь, а когда смогла загнать в угол — выгнул спину, оскалился, зашипел.

— Бешеный! Лучше не трожь! — крикнул сверху ютьюбер.

Лия попыталась схватить звереныша за шкирку — извернулся, ускользнул, мечется, огрыза-

ется. Она бежит за ним, но животное шустрее. Да не просто удирает — цапнуть пытается.

Бабуся-наблюдательницы причитают:

— Боится он, бедненький! Тебе б его подцепить чем!

Но тут подошел пожилой густобровый смотритель. Загрохотал:

— Куда залезла?

— Котика она спасает! — вступились болельщицы-бабки.

Пожилой кавказец безжалостно хмыкнул:

— Всяко сдохнет, беспризорник.

А Лия — очень кстати — вспомнила дядечкино имя — городок-то маленький, знакомых полно. Улыбнулась:

— Дядя Бийберт, да он не скоро сдохнет. Еще пару дней может орать. Вам же курортники и будут мозг выносить! У вас есть что-то типа сачка?

— Да принес я. Только не справишься ты. Тяжелый он.

Протянул сачок — Лия едва не выронила. А неудобный какой — пока взметнешь, кот пять раз убежать успевает.

Но все-таки умудрилась: загнала в угол. Завопила диким голосом — котейка в страхе уши прижал. И захлопнула мышеловку. Бабки горячатся, советы дают:

— Теперь держи крепче! Рукой прихвати! Смотри, чтоб не цапнул!

Трус-ютьюбер с возбужденным лицом бегают, ракурсы выбирает. Еще несколько челов подошло, глазеют. И ни одна сволочь даже не пытается прыгнуть, помочь. Вот и думай: какой вообще в мужиках смысл?

С трудом подняла на вытянутых руках тяжеленный сачок — котенок болтался внутри. Выпустила страдальца. Бабки пытались сюсюкать — оскалился, зашипел, кинулся прочь. Сейчас посыплются очередные советы — за что хвататься, как вылезать. Но дядя Бийберт деловито сказал:

— Приступочек видишь? Туда иди.

Как раньше не заметила? Очень даже опция — забралась на него и сразу сэкономила метр. Подпрыгнула, ухватила за кромку фонтана, подтянуться не смогла, позорно сорвалась. Но тут уж мужики снизошли. Велели прыгать еще раз, подхватили, вытащили. Ноготь, правда, все равно сломался. А джинсы все в пыли и на коленке ободранные.

Бабки квохчут, хвалят. Одна все порывалась интервью брать о ее героизме — для местной газеты. Ютьюбер тоже подвалил:

— Телефон свой давай.

— Зачем тебе?

— Видео скину. Круто получилось. Смонтирую, музыку добавлю из «Звездных войн». В сториз выложишь — звездой станешь!

Лия — практически местная, тертый калач — номер свой на улице сроду никому не засвечивала. Но в социальной сети, тут парень прав, подвигом похвастаться надо — так что, в виде исключения, десять цифр продиктовала.

И только потом взглянула на часы. Ничего себе: уже семь пятьдесят шесть. А ровно в восемь ей надо на проходной отметиться. Пришлось взбаламутить чинное утро Целебноводска: выжимала из самоката максимум, пешеходы шарахались, машины гудели. Санаторий у них живет по суровым законам: не явилась вовремя — тысяча рублей штрафа и гневное назидание от начмеда.

К проходной подлетела в критические семь пятьдесят девять и сорок секунд. Вроде бы шансов нет. Но пожилой охранник дядя Макс тоже симпатизировал улыбчивой медсестре. Поджидал на улице, у сторожки — где надо было отмечать пропуск. Выхватил из рук магнитную карточку, рванул внутрь, приложил к считывателю, выдохнул:

— Ф-фух. Успел.

— Спасибо, дядечка Максичек!

Но у прибора отметиться — еще полпроблемы.

Быстренько припарковала самокат, рысью к себе, в душевое. Давно замечено: когда приходишь с запасом, первые пациенты вальяжной походкой являются часиков в девять. Но сегодня — закон подлости в действии — на диванчике уже сидела склочная на вид дама в белоснежном махровом халате и с огромной сумкой «Шанель». Тетя Люся, уборщица, суетилась — подавала травяной чаек, предлагала кислородный коктейль, — но пациентка надменно отмахивалась:

— Не надо мне ничего!

Увидела встрепанную Лию, напустилась:

— Уже пять минут вас жду!

— Простите. Форс-мажор.

— Вот что за страна! Вроде пять звезд у гостиницы, а сервиса все равно никакого, — продолжала возмущаться.

Даме лет пятьдесят с хвостом, лицо улучшено-закачано-перепахано так, что кукла прямо вылитая. Лия — с ее природной свежестью и натуральным румянцем — таких всегда раздражала. Но тем интереснее вину загладить и пациентку обаять.

Спросила дружелюбно:

— У вас следующая процедура когда?

— Тебе-то какая разница?

— Если не очень спешите, могу *двойной Шарко* сделать. В качестве компенсации за неудобства.

Глаза кукольной тети блеснули торжеством. Лия всегда удивлялась: цена на душ, в сравнении с более современными и модными удобствами, — практически копейки, шестьсот рублей. Но пациенты бьются за каждую минуту насмерть. Однажды целый скандал ей устроили: склочный дядечка утверждал, что песочные часы «подкручены» и по факту его каждый день обделяют. До начмеда дошел, вместе явились — внезапно. Сравнивали время по таймеру. Когда все сошлось до тютельки — извиниться даже не подумал.

У молодящейся дамы в медицинской карте — процедур на сто тысяч, а сумка от натуральной «Шанели», как объяснили Лие старшие медсестры, стоит сумасшедшие евро. Но поди ж ты: обрадовалась. Кивнула милостиво:

— Ладно. Так и быть.

И царственно пошагала в душевое.

Лия мухой бросилась в раздевалку, одежду оставила на полу, сломанный ноготь, чтоб не мешал, откусила — только бы пациентку больше не задерживать. Но когда заглянула в предбанник — тетя еще только раздевается. Под халатом

зачем-то и бюстгальтер, и майка с кружевами. Шлепанцы на каблучках и с пушистым помпоном.

Вот блин. Опять проблема. Под душ в таких не встанешь, помпон облысеет. А тряпочные санаторные тапочки — жутко скользкие. Опытные пациенты приносили собственную пластиковую обувь — пусть не гламурную, но устойчивую. Но куколка, конечно, обрядилась в одноразовые.

Лия предупредила:

— Вы только осторожно. Там плитка. И напор воды сильный.

Отмахнулась:

— Справлюсь.

Но едва медсестра включила душ, попросила приподнять стопу — чтобы помассировать водяной струей пятку, — тапочку с ноги сорвало, унесло.

— Совок — он и есть совок, — пригвоздила пациентка. — Все у вас через ж... — Пинком сбросила вторую тапку. Проворчала: — Еще грибок тут подцепишь.

— Могу принести шлепки, — предложила Лия.

— Свои? — ухмыльнулась красавица.

— Нет. Новые.

Несколько раз говорила начмеду: нужно что-то решать со скользкими тапками, но вопрос

уже который месяц на рассмотрении. Так что пока за собственные средства купила на городском рынке несколько дешевых, но устойчивых пар — специально для таких склочников.

Куколка отмахнулась:

— Ладно! Давай работай уже. А то до ночи тут у тебя проторчишь.

Прочно угнездилась на кафеле босыми ногами, фигура ядреная — чисто памятник «Колхозница» с ВДНХ, несмотря на все великосветские понты.

Лия сделала напор побольше и сосредоточилась на проблемных зонах дамочки. Когда увлеклась, без разницы, что клиент противный, — все силы прилагала, чтобы максимально разбить целлюлит и обрисовать водяной струей талию.

Куколка послушно, по команде, поднимала и опускала руки, поворачивалась то одним, то другим боком, а когда удвоенный Шарко завершился, снисходительно сказала:

— Считай, что отмазалась.

Но чаевых все равно не дала.

Лия вышла из душевой. Уборщица тетя Люся встретила сочувственным вопросом:

— Как у тебя только терпения хватает на таких?

— Железная воля, — улыбнулась медсестра.

Она давно привыкла носить броню и никому о собственных переживаниях не рассказывать.

— Чего опоздала-то?

— Самокат не заводился.

— Ох, зачем он только нужен тебе! Ездила бы, как все, на маршрутке.

Тетя Люся вечно пыталась загнать Лию под каноны *как надо*, но медсестра рьяно отстаивала свободу. С какой стати посторонняя тетя (пусть и милая) будет ее жизни учить?

Достала — под укоряющим взглядом уборщицы — энергетический напиток.

— Да что травишь себя! — привычно запричитала та. — Давай коктейль кислородный!

— Сами эту гадость пейте, — Лия с наслаждением глотала бодрящую смесь кофеина, таурина и гуараны. — Спросила: — Какие новости?

— Булочки с корицей сегодня знатные.

Персонал кормили тем, что курортники не доедят, но выпечки, да еще когда вкусная получалась, обычно не оставалось, а у Лии с кондитером Али дружба, так что понятно, к чему разговор.

— Сейчас сгоняю. Выпрошу, — пообещала медсестра.

— И в процедурный по пути загляни, — загадочно улыбнулась тетя Люся.

— Зачем?

— Там такой кадр! Вчера вечером заселился, девочки угорают с него. На бровях уже второй день. Ночную смену пытался шампанским поить. С утра у него капельница, пришел уже «тепленький», спрашивает: «Ничего, что я пьяный?»

— Выгнали? — заинтересовалась Лия.

— Нет. Специально к начмеду ходили, она сказала: мексидол или мельдоний в состоянии алкогольной интоксикации нельзя. А озон — ничего страшного. Так что лежит, капается. И песни поет.

— Да ладно. А народное возмущение?

В процедурке несколько кушеток, и пациенты вечно грызутся — то канал не поделят по телевизору, то кто-то по телефону посмел громко поговорить. А тут пьяный, да еще поет.

— Даже взрослым тетям нравятся красивые хулиганы, — хмыкнула уборщица.

Ладно, посмотрим — хоть что-то новенькое в череде болезненных старичков и дрессированных мужей. Но булочки, безусловно, важнее.

Прибежала на кухню. Повар поманил в закуток, куда видеокамеры не доставали, заулыбался:

— Целых три тебе отложил.

— Дядечка Али, ты такой классный, спасибо тебе огромное! Приходи на Шарко, я сегодня до шести.

Положила источающий ароматы бумажный пакет в рюкзачок — ее ноу-хау. Когда с сумкой по корпусу идешь, сразу подозрительные взгляды. А если у тебе к спине прицеплена небольшая емкость — начальству в глаза не бросалось.

В процедурке обычно медицинским спиртом пахнет, а сегодня прямо с порога запах хорошего коньякашибанул. Но никакого красавца — на кушетках одни молодящиеся старушки.

— Где?

— В барокамере. Сморило его там, — шепнула процедурная сестра. — Такой хохмач! Нелька с ингаляций прибегала, рассказывала. Она прибор заряжает, а он ей: «Можно ли, пожалуйста, мне дышать не шалфеем, а коноплей?» К тебе тоже придет. Жди.

Лия над пьяным красавцем собиралась чисто поржать. Но остальных сотрудниц санатория (в большинстве своем незамужних) незнакомец заинтриговал чрезвычайно. Тетя Люся (в ее-то пятьдесят и с пьющим сожителем чего мечтать о столичных красавцах?!) в азарте собирала информацию из бухгалтерии и отдела бронирования. Экстравагантному пациенту оказалось 35 лет. Москвич. Не женат. Место работы — «индивидуальный предприниматель». Имя, только подумать, Борей! Тут уж и Лия заинтересовалась, спросила у интернета — оказалось,

сын каких-то Астреи и Эоса, божество холодного северного ветра. Живет — один — в двухкомнатном люксе. Процедур набрал самых дорогих. Денег, видно, хренова туча — Юлия Карловна, их суровый начмед, стелется перед ним конкретно, даже когда Андрей Малахов приезжал, и то меньше прыгала.

Лие хотелось, когда между клиентами паузы, спокойно початиться в интернете, но тетя Люся твердо вознамерилась представить товар — молодую медсестру — лицом. Совала пилочку, заставляла привести сломанный ноготь в порядок. Пробник блеска для губ от косметологов принесла.

— Да плевать мне на вашего Борея! — отбивалась девушка.

Но когда вертлявая Милка с барокамеры похвасталась, что пациент ей целую тысячу чаевых презентовал, упрямиться перестала.

И даже заплела, вместо обычного хвоста, косичку «колосок».

После обеда принц, наконец, явился.

Лия из подсобки слышала хорошо поставленный бархатный голос:

— Добрый день, девочки! Возьмете меня *шаркнуться*?

Хмыкнула: надо запомнить словечко, пригодится — ей-то, сотруднице душа Шарко!

Странно только, почему голос знакомым кажется? Выглянула в щелку. Поначалу не узнала. Красавец. Атлет. Лицо породистое. Губы секси. И никакой надменности, свойственной богам. На тетю Люсю (а ей реально до пенсии пара лет!) смотрит ласково — та сразу взбудоражилась, улыбается, суетится: пожалуйста, присядьте, а не хотите ли чаю травяного?

А в глазах, на первый взгляд чужих, что-то неуловимо родное.

Пригляделась внимательнее — и в страхе отступила.

Разве может вернуться тот, кто умер?

Он очень, фатально, разительно, изменился. Но еле заметный шрам на левом виске остался. И улыбка прежняя — одновременно хамская и беззащитная.

Боже мой. Это не может быть Борька. Но это все-таки он.

Ее старший, единокровный, брат. Хотя Лия его много лет назад похоронила.

* * *

Считается, что дети себя с трех лет помнят, но у Лии самая первая картинка гораздо раньше: деревня, двор утопает в снегу, и она — босиком. Пятки обжигает лютым холодом, каждый новый

шаг — слезы. Борька тоже здесь, в воспоминании. Защищает ее, кричит:

— Папа! Хватит! Она же маленькая!

Но отец рокочет:

— Всего двадцать шагов. Ничего страшного. Пусть закаляется.

Семья у них была необычная. Мама — тихоня, хозяйюшка. Своего мнения нет, отцу в рот смотрит.

А батя — великий реформатор. Из детей пытался вырастить людей нового типа. Закалял, развивал, официальную медицину гнал прочь.

— Хорошо, ты не помнишь, — рассказывал Борька. — Он тебя, совсем мелкую, держал за ноги вниз головой. И ледяной водой окатывал. Знаешь, как ты вопила!

Хотя детям хотелось обычного семейного тепла, а не превращаться в сверхчеловеков.

Лия, когда выросла и завела себе «Живой журнал», однажды опрос среди подписчиков устроила: у кого что из детства в памяти самое яркое? И реально завидно оказалось читать: про любимого попугайчика или как пирогами пахнет.

У них дома — с папочкиными закидонами — ни о чем подобном даже подумать было немислимо. Коты и прочие твари — разносчики кишечных паразитов. Игрушки могут быть только развивающими. Про пироги тоже только

мечтать — начинал отец с вегетарианства, потом перешел в веганы, дальше вообще стал сыроедом. И вся семья должна была следовать его правилам.

Борька — он на пять лет старше, чем Лия, — против порядков в их доме всегда бунтовал. Хотел гомерически, когда мама начинала рассказывать, как больно бедной коровке, когда ее убивают. Притаскивал от сердобольных соседей конфеты, булочки, подкармливал младшую сестренку.

Лия вечно меж двух огней. Родители оздоравливают и закаливают. А Борька ей уже в пять лет дал сигареткой затянуться. И пусть замутило нещадно, но от проростков с маслом гхи ее еще больше воротило.

Мама, очень робко, пыталась убедить отца, что растущим организмам мало одной растительной пищи. Предлагала давать хотя бы молоко, яйца — в деревне-то они хорошие, без нитратов. Отец долго ворчал и наконец разрешил — один бутерброд с маслом раз в неделю, по воскресеньям. Но Боря малостью не довольствовался. Уже лет с десяти удирали из дома, от отцовских бесплатных трудовых повинностей, и к соседям нанимался в огороде помогать. Потом приносил Лие честно заработанные хлеб, сало, домашние сыры. А если давали деньгами — покупал в сель-

по шипящие на языке конфеты, ядовито-красную колбасу, чипсы, исходящие жиром.

Мама — когда засекала — всегда расстраивалась, но не выдавала. А отец бесился конкретно. Однажды обнаружил их тайник с куличами пасхальными — приложил Борьку в наказание головой о чугунную печку. Ездили потом в травмпункт зашивать, и шрам на виске навсегда остался.

Врач смотрел подозрительно, долго расспрашивал, кто ударил, но Борис упрямо повторял, что свалился сам.

У него с раннего детства — характер и свои понятия. И отец, возможно, психовал потому, что чувствовал: пацан, дохляк, его сильнее. Пусть не телом, но духом.

Папа, в принципе, человек-то не злой. И хорошее в его оздоровительно-воспитательной системе тоже имелось. Обливаться водой ледяной, босиком по снегу ходить — да, жестко, зато простудами Лия с Борькой никогда не болели. Гимнастические упражнения, впоследствии сменившиеся йогой, дали им гибкость, хорошую осанку. И от игр развивающих толк имелся: говорить начали рано, с математикой школьной никаких проблем. Что без прививок — бог тоже миловал, обошлись без туберкулеза или полиомиелита. Но вот вечная *травя-растительность*

на завтрак, обед и ужин — это, конечно, жесть. Лия уже девятнадцать лет как дома не живет, а никак не может булочками-шашлыками наесться. Лишнего веса килограммов восемь набрала, и с каждым годом все прибавляется.

Отец, впрочем, искренне считал: он безусловно, однозначно, навсегда прав.

А мама смотрела ему в рот.

Но Борьку — вечного нарушителя спокойствия — как могла защищала. Хотя ей он неродной.

Родители познакомились в санатории. Мама, восемнадцатилетняя студенточка, восстанавливала здоровье после воспаления легких. Отец лечил нервы — совсем недавно в аварии погибла его супруга. Оставила вдовцом с четырехлетним сыном.

Печаль в его глазах и трогательная забота о ребенке произвели на маму неизгладимое впечатление. Да и лично ее смог удивить. После болезни никак не могла полной грудью вдохнуть, а новый знакомый научил особой дыхательной гимнастике, мигом излечившей недуг. Плюс трогательно заботился, много интересного рассказывал.

Поженились, мама быстро забеременела. Бросила институт, помогала отцу в делах — СССР только что развалился, и батя на его руинах пы-

тался подняться, стать гуру смутного времени, вроде Чумака с Кашпировским.

Боря принял мачеху настороженно, но та из всех своих робких сил старалась заменить ему родную погибшую маму. И когда в семье родилась общая дочь, не задвинула пасынка на второй план — распределяла между детьми любовь поровну. Боре иногда даже больше доставалось.

Впрочем, он мачеху все равно презирал. Называл (не в глаза, конечно) селедкой снулой. Говорил Лие:

— Вот почему она не взбунтуется? Не скажет: будем есть мясо, и точка! Ее голос, мой — уже два. Твой — ладно, половинка, ты мелкая. Но все равно получается абсолютное большинство.

Но мама лишь просила робко:

— Ребята, не спорьте, пожалуйста, с папой. Он лучше знает, что делать.

Хотя гордиться отцом, как уверял Борис, оснований никаких. Адептов не нажил, Чумака с Кашпировским не потеснил. Вел жалкие группы здоровья, писал для журналов статьи про правильный образ жизни, зарабатывал крохи. Да еще и дома почти все время торчал, воспитывал их обоих — постоянно, до зубной боли.

Впрочем, Лия — уже потом, когда выросла, — оценила еще один плюс отцовской системы. В лихие, непонятные, отчаянные девяностые

строгий отцовский регламент и его непоколебимое знание, *как надо*, давало хотя бы минимальную стабильность.

И все в их жизнях могло сложиться вполне нормально.

До пятнадцати-шестнадцати лет их бы с Борькой держали в узде, а дальше — пойти в училище, съехать в общежитие, есть что хочешь, и никакой больше гимнастики босиком на снегу.

Но когда Борису было четырнадцать, а Лие девять, в семье случилась беда.

Лето и все каникулы они проводили в деревне, а на время учебы перебирались в столичную квартиру. Лие с Борисом в Москве нравилось куда больше. Никакой тебе трудотерапии в огороде, и достать вредной еды куда больше возможностей.

Отец их от влияния улицы ограждал, требовал, чтоб сразу после школы домой, но Борька с упоением врал про классные часы, концерты и прочие активности — и для себя, и для маленькой Лии. Третьеклассница свободой не злоупотребляла — ходила после школы к подруге: грызли чипсы, смотрели мультики по видео или рекламу без разбору по всем каналам. А Борис постоянно что-то придумывал — вместе с друзьями фары машинам протирали на светофорах, на спор из магазинов таскали всякую мелочь,